Пруд белых лилий

Автор:
Анника Тор

Пруд белых лилий

Анника Тор

Остров в море #2

«Пруд Белых Лилий» – продолжение полюбившегося русским читателям романа «Остров в море» – истории о двенадцатилетней Штеффи, оказавшейся на острове в Швеции в начале Второй мировой войны. Повзрослевшая Штеффи получает стипендию и отправляется учиться в Гётеборг, где она будет жить на пансионе в семье Сёдербергов. Главное – она теперь будет находиться совсем рядом со Свеном, с которым познакомилась летом! Но что-то не складывается в новой жизни Штеффи, на вид вполне благополучной… «Что происходит с родителями? Что такое настоящая дружба? А настоящая любовь? Что лучше – правда или ложь?» – все эти вопросы переполняют ее. И берег пруда Белых Лилий становится для Штеффи местом, где она может побыть одна и попытаться разобраться в себе…

Анника Тор.

ПРУД БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

МОСКВА • САМОКАТ

Глава 1

Раздался заунывный гудок, и из трубы парохода вырвалось облако черного дыма. Отдали швартовы, подняли на борт мостки. Пароход развернулся, отчалил от пристани и поплыл прочь из гавани.

Штеффи стояла на корме и махала рукой. С пристани ей махали в ответ Нелли, тетя Альма, малыши и Вера. Вчера вечером Штеффи попрощалась с дядей Эвертом, провожая его в море. Через пару дней он вернется с уловом, но ее уже не будет на острове.

Люди на пристани казались все меньше и меньше. Вскоре Штеффи уже с трудом различала их. Напоследок она увидела, как сверкнули на солнце медно-рыжие волосы Веры.

– Проходи и садись, – сказала тетя Марта. – Угольный дым запачкает одежду.

Она стряхнула несуществующую пыль с рукава светлого плаща и первой вошла в пассажирский салон. Ее соломенная шляпка плотно сидела на затылке, волосы собраны в пучок.

Тетя Марта нарядно оделась, провожая Штеффи в Гётеборг, где той во время учебы предстояло жить в семье доктора на полном пансионе. Один выходной в месяц и каникулы Штеффи будет проводить на острове у тети Марты с дядей Эвертом. Так решено.

Воздух в салоне был неподвижен. Стояла духота. Штеффи обмахивалась старой газетой, забытой кем-то на скамье. Но тетя Марта сидела прямо и неподвижно, пальто застегнуто на все пуговицы, на шее аккуратно завязан платок.

Рядом со Штеффи стояла дорожная сумка. В ней лежало почти все ее имущество: одежда, книги, дневник, фотографии мамы с папой. Лишь видавший виды плюшевый мишка остался в мансарде дома тети Марты и дяди Эверта.

Штеффи уже не маленькая, ей исполнилось тринадцать.

В гетеборгской школе она станет называть себя «Стефания». По-взрослому и романтично, не то что ее детское уменьшительное имя. Свен тоже звал ее Стефанией. Скоро они встретятся.

– Меня зовут Стефания, – тихонько пробормотала Штеффи.

– Что ты сказала?

– Ничего.

– Не надо бояться, – сказала тетя Марта. – Ты не хуже других, помни об этом. А кое в чем – даже лучше.

Тетя Марта не из тех, кто щедр на похвалы, или, как она говорила, льстит. Слышать от нее такое было очень непривычно.

– Тетя Марта! – сказала Штеффи.

– Да?

– Тетя Марта, вы когда-нибудь жалели, что взяли меня?

Тетя Марта удивилась:

– Жалела? Это был правильный поступок. О таком не жалеют.

– Но разве вам не хотелось, чтобы вам достался другой ребенок, лучше, чем я?

Тут произошло кое-что еще более неожиданное. Тетя Марта рассмеялась:

– Странные у тебя мысли, девочка. Я даже никогда не задумывалась об этом. Не спорю, ты наделала много глупостей, но ничего такого, чего ни Бог, ни я не смогли бы тебе простить.

«Кто же строже, – подумала Штеффи, – тетя Марта или ее Бог? Думает ли Бог всегда, как тетя Марта, или наоборот?»

Пароход держал курс прямо вперед, меж голых скалистых островков и шхер. Далеко позади все еще виднелся берег.

Год назад Штеффи и ее младшая сестра Нелли совершили плавание в обратном направлении – из Гётеборга на остров. Это был последний этап их долгого путешествия из дома. Мама с папой остались в Вене. В Швеции принимали еврейских детей-беженцев, но не взрослых. Так решило правительство.

В тот раз Штеффи уезжала от всего, что знала, и всего, что ей нравилось, к чужим людям в чужую страну с чужим языком. «Здесь только море и камни, – писала она в первом письме, которое так и не отправила. – Здесь я не смогу жить».

В этот раз никто не принуждал ее уезжать. Она сама захотела. Продолжить учебу, быть студенткой, учиться в университете и стать врачом, как папа. Штеффи мечтала об этом с тех пор, как себя помнила. Правда, тогда она думала, что это произойдет дома, в Вене.

Теперь она снова отправилась в путь, от тети Марты и дяди Эверта, от Веры, с которой наконец подружилась, от Нелли, оставшейся на острове с тетей Альмой и ее семьей. Штеффи стало страшно, вдруг она никогда больше не почувствует себя по-настоящему дома? Вдруг ей всегда придется скитаться?

Пароход приближался к Гётеборгу и вошел в реку Гёта.

– Можно выйти на палубу? – попросила Штеффи. – Мы бы увидели город с воды.

– Ну ладно, – сказала тетя Марта. – Раз ты так сильно хочешь.

Они встали у перил с правой стороны судна. На берегу раскинулся город, слева был Хисинген – большой остров с верфями и мастерскими.

– Вон «Жена моряка», – сказала тетя Марта и показала на статую женщины на высокой колонне. – Видишь, она смотрит на море и ждет своего мужа.

Штеффи не смогла разглядеть лица «Жены моряка», но представила ее с чертами тети Марты, на лбу которой появлялась озабоченная морщинка всякий раз, когда дядя Эверт был в море. Сейчас война, рыболовное пространство заминировано, и случалось, что шведские рыбацкие лодки и торговые суда подрывались.

Пароход пристал к Деревянному пирсу, который клином выдавался прямо в реку. По обе стороны в ряд пришвартованы суда, курсирующие в шхерах. На пирсе было шумно, люди поднимались на борт, сходили на землю или просто ожидали своих знакомых. Мужчина в голубой спецодежде перетаскивал в лодки бочки и ящики из грузовика, стоящего у края пристани.

У Штеффи закружилась голова. Давно уже ей не приходилось видеть так много людей сразу. Она осторожно сошла по мосткам, неся в руке сумку. Вместе с тетей Мартой протиснулась к пристани, туда, где несся поток дымящих автомобилей.

С досок пирса Штеффи шагнула на каменную мостовую. Впервые за год она стояла на городской улице.

Глава 2

До центра они добрались в белом вагоне. По крайней мере, так его назвала тетя Марта. Штеффи видела лишь голубые, точно такие же, как и другие трамвайные вагоны, что, дребезжа, проезжали вдоль главной улицы.

В окно трамвая Штеффи глядела на высокие каменные дома, витрины магазинов, мимо проносились блестящие автомобили. В ней пробудилась память о городе. Она вспомнила, как бежала по мокрым от дождя камням мостовой, чтобы не опоздать в школу, стараясь не толкнуть людей, спешащих утром по своим делам. Или медленно бродила по торговым улочкам и разглядывала в витринах элегантную одежду. Когда Штеффи и Эви, ее лучшая подруга, были маленькими, они часто стояли у магазинов и придумывали длинные истории о красивых дамах-манекенах.

Гётеборг отличался от Вены, но все же это был город, с городским шумом и ритмом. Чувство потерянности и неуверенности, которое Штеффи испытывала некоторое время назад, прошло. Вместо этого появилось ожидание. Здесь, в городе, может произойти все что угодно.

К своему удивлению, Штеффи заметила, что тетя Марта, наоборот, выглядит напуганной. Дома, на острове, она точно знала, что нужно делать и что правильно. Теперь же тетя Марта встревоженно озиралась и теребила свои белые летние перчатки. Снова и снова она перечитывала адрес на листке, который ей дала жена доктора. Перед остановкой она дернула за шнурок, и у водителя зазвенел колокольчик. Трамвай остановился, но оказалось, что тетя Марта поспешила. Пока она объясняла кондуктору, что им нужно проехать еще одну остановку, пассажиры глазели на них.

Стоя на посадочной площадке, тетя Марта внимательно посмотрела направо, налево и снова направо, прежде чем перейти улицу. Они свернули с широкой прямой улицы, усаженной рядами деревьев, в переулок. Через два квартала повернули за угол.

– Нам сюда, – сказала тетя Марта.

Это был четырехэтажный дом из желтого кирпича, вокруг высоких окон и балконов с коваными перилами выложен узор. Фасад выходил к парку на другой стороне улицы. Небольшой холм – все, что осталось, после того как выровняли землю для постройки домов в квартале. Узкая тропинка меж деревьев вела к склону, покрытому колышущейся травой.

Давно, еще до того, как пришли немцы, Штеффи жила в Вене рядом с парком. В парке было колесо обозрения.

– Это здесь.

Но тетя Марта не пошла к воротам, а направилась к углу дома. Штеффи поставила сумку и ждала.

– Пойдем, – сказала тетя Марта.

– Но…

Тетя Марта не слушала. Она свернула за угол и вошла в ворота заднего двора.

Из мусорных баков у сарая на углу пахло затхлостью.

Множество низких дверей со стороны двора вели в разные подъезды. Тетя Марта осмотрелась и направилась к одному из них. Штеффи последовала за ней.

Она тащила свою сумку по узкой лестнице на четвертый этаж. Штеффи ничего не понимала, но чувствовала, что лучше ни о чем не спрашивать.

Наконец они остановились перед высокой узкой дверью. «Сёдерберг» – было написано на эмалированной дверной табличке, а под ней – «Служебный вход».

Тетя Марта нажала на кнопку звонка. Спустя некоторое время дверь открыла женщина в переднике. Это была Эльна, домработница семьи доктора, которая ездила с ними летом на дачу и спала на диване в кухне тети Марты.

– Здравствуйте, – сказала она. – Входите, я доложу госпоже Сёдерберг.

Штеффи с тетей Мартой ждали в просторной кухне с высоким потолком. Высоко на стене у двери висели колокольчик и дощечка с девятью задвижными окошками. В одном из них можно было разглядеть цифру пять. Остальные закрыты. Проходя мимо двери, Эльна нажала на кнопку, и пятерка исчезла.

Штеффи захотелось подойти, нажать на кнопку и посмотреть, что произойдет, но она не осмелилась. Кроме того, это было ребячеством. Только малыши тычут пальцами во все, что видят.

Супруга доктора стояла в дверях кухни, широко улыбаясь.

– Только подумать, фру Янсон, – выдохнула она. – Не стоило вам, фру Янсон, пользоваться служебным входом! И напрасно вы поднимались по всем этим лестницам. Ведь есть лифт!

Тетя Марта не ответила на сожаления жены доктора, не протянула руки и приветствовала ее довольно сухо.

– А, малышка Штеффи! – продолжила фру Сёдерберг так же оживленно. – Добро пожаловать.

Штеффи сделала книксен и пожала ей руку.

– Я покажу вам комнату, – сказала жена доктора. – Пойдемте.

Дверь кухни вела в коридор, который посередине сужался так, что пройти можно было только по одному. В конце коридора жена доктора открыла стеклянную дверь, и они оказались в прихожей с красивыми коврами на полу.

С одной стороны двустворчатая дверь вела в просторную комнату со старинной мебелью. Прямо напротив была обычная дверь, и в метрах в двух от нее – такая же, но словно в зеркальном отражении.

Жена доктора открыла первую дверь:

– Это здесь.

Комната была чудесная, просторная и светлая, с большим окном почти до потолка. У окна стоял белый крашеный стол. Вся мебель была белая: комод, стулья, книжный стеллаж, туалетный столик с зеркалом, кровать, накрытая розовым покрывалом с рюшами. На обоях – узор из розовых бутонов на голубом фоне. На белых шторах с воланами этот рисунок повторялся. На туалетном столике стояла лампа с розовым абажуром.

– Настоящая девичья комната, не правда ли? – сказала жена доктора. – Мы оставили все точно так, как при Карин.

Карин была ее старшей дочерью и сестрой Свена.

– Карин и Улле сейчас в свадебном путешествии в Бустаде, – сказала она. – Ведь путешествовать за границу в такие времена, к сожалению, невозможно. Война коснулась всех нас, каждого по-своему. Если бы вы только знали, фру Янсон,

каких хлопот мне стоили продукты к свадебному ужину. Ох уж эти талоны! Настоящее испытание для нас, хозяек, не правда ли?

Тетя Марта пробурчала что-то в ответ, соглашаясь. Она была не в духе.

– Но, может быть, вы считаете иначе, – продолжила жена доктора. – Я слышала, что у рыбаков никогда еще не было такого хорошего дохода, как сейчас.

Тетя Марта посмотрела ей прямо в глаза.

– Да, с риском для жизни, – сказала она. – В море полно мин.

Теперь настала очередь жены доктора пробурчать извинение. Но вскоре она снова оживилась и показала Штеффи гардероб в одном углу и небольшую каморку с умывальником в другом.

– Тут ты можешь спокойно привести себя в по-рядок, – сказала она. – Для остального есть ванна и туалет в конце коридора, у самой кухни.

В комнате была еще одна дверь, помимо той, что вела в прихожую.

– Куда ведет эта дверь? – не смогла удержаться от вопроса Штеффи.

– В комнату Свена, – сказала жена доктора. – Теперь, – обернулась она к тете Марте, – я полагаю, мы оставим здесь Штеффи обустраиваться, а сами побеседуем в библиотеке.

Штеффи осталась одна. Ее комната располагалась стена к стене с комнатой Свена. Так близко, что она сможет услышать, как он встает по утрам, умывается и достает чистую рубашку из гардероба, возможно, насвистывает что-нибудь.

Но сейчас за стеной было тихо. Его наверняка нет дома. Иначе он бы зашел поздороваться.

Штеффи открыла дорожную сумку и начала разбирать свои вещи. Ее платья заполнили лишь часть просторного гардероба. «Наверное, у Карин было намного больше одежды», – подумала Штеффи. Комод не заполнился даже наполовину.

В стеллаже было несколько книг, но ее собственным хватило места.

Шкатулку для драгоценностей с маленькой кружащейся балериной на крышке Штеффи поставила на туалетный столик перед зеркалом. Выдвинув ящик, чтобы положить туда гребень, щетку и заколку для волос, она обнаружила листок.

«Здравствуй, Стефания, – было написано там. – Добро пожаловать к нам, и надеюсь, ты будешь хорошо себя чувствовать среди всех этих рюшек и оборок Карин. Я сейчас в горах, в походе, вернусь домой в воскресенье.

Всего хорошего. Свен».

Штеффи несколько раз перечитала короткую записку. Затем осторожно сложила листок пополам и сунула его в свой дневник.

Тете Марте пора было уезжать. Штеффи проводила ее до входной двери.

– Позаботься о себе, – сказала тетя Марта. – Следи, чтобы твоя одежда была целой и чистой. Не забывай забирать грязные вещи каждый раз, когда едешь домой. Учись как следует в школе и постарайся не быть в тягость доктору и его жене.

– Передайте привет дяде Эверту, – попросила Штеффи.

В дверях тетя Марта обернулась и посмотрела на нее.

– До свидания, малышка, – сказала она, и на мгновение голос ее смягчился. Затем она открыла дверь лифта. Последнее, что увидела Штеффи, это соломенная шляпка, исчезнувшая в шахте.

Глава 3

Что она, собственно, себе вообразила? Что она будет в доме доктора на правах члена семьи? Что доктор Сёдерберг позовет ее в кабинет после ужина, чтобы почитать вслух или поиграть с ней в шахматы, как это раньше делал папа? Что жена доктора зайдет к ней вечером и поправит одеяло, как мама?

Если она на это рассчитывала, то сильно ошибалась. Здесь она лишь пансионерка, не член семьи.

В первый вечер Штеффи ужинала в столовой с доктором и его супругой. Доктор задал несколько вопросов о семье Штеффи в Вене и о папиной работе. Штеффи рассказала, как два года назад немцы вынудили папу закрыть частную практику. Теперь он работал в Еврейском госпитале, где пациенты умирали от нехватки лекарств.

Доктор Сёдерберг смутился и заговорил с женой о том, что недоволен новой медсестрой в приемной. По его словам, она была небрежна. Штеффи вскоре перестала слушать и тихо закончила есть.

После ужина жена доктора распорядилась подать кофе в гостиную и обернулась к Штеффи.

– Ну, спокойной ночи, дружок, – сказала она.

Стало ясно, что она и не думала приглашать Штеффи провести с ними вечер. Штеффи тоже пожелала спокойной ночи, поблагодарила за ужин и ушла к себе в комнату.

Кое-чего она не понимала. Куда делся Путте, любимец семьи, с которым она обычно гуляла прошлым летом и считала почти своим? Подумать только, что, если Путте останется у Карин? Штеффи так расстроилась, что даже заплакала. Если бы Путте был здесь, она бы позволила ему спать в своей постели.

На следующее утро она проснулась рано. Было воскресенье, и за закрытой дверью стояла тишина. Ей хотелось встать и сходить в туалет, но она ждала, пока проснутся доктор с супругой.

Услышав, как в девять часов захлопнулась входная дверь, Штеффи выскользнула из комнаты и тихо прошла в туалет в конце коридора мимо множества закрытых дверей. Только дверь в кухню была открыта. Там Эльна собирала поднос с завтраком. По ее словам, жена доктора всегда завтракала в постели. Доктор отправлялся на утреннюю воскресную прогулку, а затем просил подать кофе. Он никогда ничего не ел до обеда.

– А ты? Ты проголодалась?

Штеффи кивнула.

– Садись за кухонный стол и съешь что-нибудь, пока я вожусь здесь с подносом.

Эльна приготовила Штеффи чай и бутерброд, а себе – кофе. Затем она показала, где найти хлебницу, а в кладовке, такой просторной, что туда можно войти, – масло и сыр. Потом Штеффи сама будет готовить себе завтрак и бутерброды в школу. Ужинать она будет с Эльной на кухне, если жена доктора не распорядится иначе.

– За тебя платят родители? – с любопытством спросила Эльна. – Они присылают тебе деньги из-за границы?

Штеффи покраснела. Нет, у мамы с папой нет денег. Все, что у них было, потеряно, конфисковано нацистами. Ее красивая, элегантная мама сама работала домработницей, совсем как Эльна.

Но Штеффи не рассказала об этом, а также о том, что часть денег, которые платили семье доктора тетя Марта с дядей Эвертом, приходили из комитета помощи и были собраны как благотворительность. Не сказала она и о том, что получает стипендию для «одаренных девочек без собственных средств», чтобы оплатить учебники.

– Мои приемные родители, – лишь промолвила она.

Весь долгий воскресный день Штеффи просидела в своей комнате, хотя за высоким окном светило солнце. Комната выходила не в парк, а во двор с мусорными баками и сараями. Высокий забор отделял его от соседнего двора,

где тоже стояли баки и сараи. Отличал их лишь зеленый куст, росший на углу во втором дворе.

Штеффи могла сходить в парк. Но тогда пришлось бы просить ключ или, вернувшись, звонить в дверь. А беспокоить Эльну по пустякам не хотелось. К тому же в любую минуту мог вернуться Свен, а Штеффи хотелось быть дома, когда он придет. Спросить бы Эльну, в котором часу его ждут.

Две маленькие девочки лет восьми играли во дворе. Одна из них похожа на Нелли, хотя ее косички были светло-каштановые, а не угольно-черные как у сестры.

У Штеффи больше не было кос. С тех пор как она остригла свои длинные волосы в прошлом году в день святой Люсии, они стали плохо расти. Волосы были средней длины, непослушные, поэтому перед отъездом в Гётеборг Штеффи попросила тетю Марту подстричь ее. Теперь волосы доставали до подбородка, и Штеффи зачесывала их на косой пробор. Так она выглядела старше.

Из-за закрытой двери ее комнаты послышался неясный шум. Штеффи услышала, как открылась и снова закрылась входная дверь, когда доктор Сёдерберг вернулся домой после прогулки. Она различала голоса доктора и его жены, но не понимала слов. В кухне прибиралась Эльна. Зашумела вода в туалете. Зазвонил телефон, и жена доктора долго с кем-то болтала, потом положила трубку.

Звуки, доносившиеся снаружи, казались нереальными. Непонятно было, что это. Внутри комнаты время словно остановилось. В водопроводных трубах шумело.

Наконец, ближе к вечеру, в дверь постучала Эльна и сказала, что пора ужинать.

– Неужели ты не придумала ничего лучше, чем сидеть дома в такой день? – спросила она. – Была бы я свободна, то не сидела бы нахохлившись, как ты.

Доктор с женой уже поужинали в столовой, хотя Свен еще не пришел. По словам Эльны, он должен был вернуться к ужину, и фру Сёдерберг несколько раз меняла решение, прежде чем разрешила поесть без него. Доктор сказал, что из-за передвижения военного транспорта по железной дороге его поезд мог запросто опоздать на несколько часов.

В кухне было жарко, и Эльна пребывала в дурном настроении. Она звенела посудой и выхватила у Штеффи тарелку, едва дав доесть. Воскресными вечерами Эльна свободна, но теперь она могла уйти не раньше, чем Свен вернется и поест.

Штеффи подумала, что у Эльны назначена встреча с женихом. Наверное, поэтому она так нервничала. Штеффи и самой не терпелось увидеться со Свеном.

Глава 4

Они приступили к десерту, киселю из крыжовника, когда в другом конце большой квартиры послышался сильный шум. Шаги, звук неловкого падения, голоса.

В следующее мгновение бело-коричневая стрела промчалась по коридору из столовой и ворвалась в кухню. Штеффи соскользнула со стула на пол. Сев на корточки, она обняла пса.

– Путте, – прошептала она, уткнувшись в мягкую шерсть за ухом. – Путте, Путте, Путте.

Путте положил лапы на плечи Штеффи и лизал ее щеки и нос. Эльна смотрела неодобрительно.

– Собаке не место на кухне, – начала она.

Тут появился Свен.

– Стефания!

Свен загорел еще больше, чем летом. Каштановые волосы отросли, и челка спадала на глаза. Он был одет в спортивные брюки, клетчатую рубашку и тяжелые ботинки. Штеффи увидела его, и на сердце у нее потеплело.

– Будь добр, Свен, выведи собаку, – сказала Эльна. Затем она уставилась на пол возле его ног. Штеффи проследила за ее взглядом и увидела комочки сухой земли и глины, осыпавшиеся с ботинок. И не только здесь, грязные следы тянулись из прихожей в столовую.

– Не сердись, Эльна, – сказал Свен. – Я подмету. Я не подумал. Прости.

Эльна улыбнулась, и Штеффи увидела, что ей не хочется сердиться на Свена.

Свен взял Путте за ошейник.

– Пойдешь со мной? – спросил он Штеффи.

Он взглянул на ее недоеденный крыжовниковый кисель.

– Ты ешь здесь? Почему не с мамой и папой?

Эльна ответила вместо нее:

– Госпожа Сёдерберг решила, что так будет удобнее.

Серые глаза Свена на мгновение сузились, желваки заиграли. Затем он рассмеялся и сел за кухонный стол напротив Штеффи.

– Тогда я тоже поем на кухне. Ну как, Эльна? Осталось что-нибудь съедобное?

Эльна быстро поставила тарелку, стакан, столовые приборы и разогрела остатки воскресного жаркого.

– Когда ты приехала?

– Вчера.

– Одна?

Слова падали одно за другим, как капли воды из неплотно закрытого крана. Словно они стеснялись друг друга, встретившись снова.

– Тетя Марта проводила меня.

Летом, когда Свен и его семья снимали на острове дом у тети Марты и дяди Эверта, они не стеснялись. Хотя Свен был на пять лет старше Штеффи, он всегда обращался с ней как с ровней. Они подолгу гуляли с Путте и болтали обо всем на свете. О прочитанных книгах, о войне, о будущем.

Свен собирался стать писателем, хотя его родители хотели, чтобы он был врачом или адвокатом. Однажды он прочитал Штеффи рассказ, который сам написал. Главный герой – молодой человек, ушедший добровольцем на гражданскую войну в Испании, чтобы сражаться за свободу и демократию. Собственно, речь шла не столько о самом солдате, сколько о его младшем брате, который был слишком молод, чтобы последовать за ним. В рассказе описывались мысли младшего брата, когда он читал письма с войны и когда он в конце концов получил известие, что брат пал в бою. Штеффи считала, что это был хороший рассказ, но она не могла понять, как можно страстно желать попасть на войну.

Теперь они сидели за кухонным столом и стеснялись друг друга. Свен ел жаркое из телятины с картофелем, соусом и огурцами. Штеффи ковырялась в своем киселе из крыжовника. Эльна выдворила Путте из кухни и подмела с пола мусор.

В кухню вошла жена доктора:

– Свен! Ты сидишь здесь?

– А ты считаешь, я должен есть в одиночестве в столовой? – спросил Свен. – Вы ведь уже поели.

– Ну ладно, – сказала фру Сёдерберг. – Переоденься, когда закончишь. Мы поедем на вокзал встречать Карин и Улле. Отец обещал отвезти их в новую квартиру, ведь у них так много багажа.

– Поезжайте, – сказал Свен. – Я собирался прогуляться со Стефанией и показать ей школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/annika-tor/prud-belyh-liliy-2/) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/annika-tor/prud-belyh-liliy-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить